

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-148-155

СТОЛКНОВЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО В МИРОВОЗЗРЕНИИ ФРАНСИСКО ХАВЬЕРА КЛАВИХЕРО

И.Ю. Веселова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена ментальному конфликту, который стал одной из характерных черт мексиканского Просвещения. Распространение в креольской среде новых философских идей, пришедших из Европы, привело к столкновению на начальном этапе двух различных типов мышления. Наиболее ярко этот процесс проявился в работах мексиканских мыслителей-иезуитов, к группе которых относится Франсиско Хавьер Клавиhero. Выросший в религиозной креольской семье и избравший путь служения Богу, Клавиhero с раннего возраста проявил тягу к знаниям. Первичный круг его интересов сформировали философия, история и иностранные языки. Знакомство с философскими идеями Нового времени привело к столкновению рационального и религиозного в мировоззрении мексиканского мыслителя. Он попытался примирить эти два подхода, чтобы разрешить данный ментальный конфликт. В своих работах по философии и истории Клавиhero продолжал частично придерживаться традиционных религиозных взглядов, используя при этом рациональные аргументы. Результатом стало причудливое сочетание старых и новых философских идей, символизировавшее закат традиционной схоластики в испанских колониях. Клавиhero и его коллеги-иезуиты положили начало эпохе Просвещения в Новой Испании.

Ключевые слова: Мексика, Клавиhero, Новая Испания, Церковь, иезуиты, Просвещение, колониальная эпоха

Введение. В XVI–XVII вв. в Европе происходило активное развитие научного знания. Зародилась новая философия, которая к середине XVIII в. постепенно проникла в латиноамериканские колонии, несмотря на ограничения со стороны властей и церкви. Поскольку церковь имела огромное влияние в Латинской Америке, картезианский материализм не получил там столь широкого распространения. Благодаря этому латиноамериканское Просвещение приобрело собственные отличительные черты.

Самым влиятельным и многочисленным католическим орденом в Новом Свете был орден иезуитов, члены которого составляли большую часть преподавательского состава колониальных учебных заведений. Реакция на новую философию в иезуитской среде была различной: некоторые члены ордена от-

вергали ее полностью, другие пытались сочетать с аристотелевской философией, традиционно преподаваемой в колледжах. К последним относился и мексиканский мыслитель Франсиско Хавьер Клавихеро.

Клавихеро стал одним из иезуитов-мыслителей, открывших эпоху Просвещения в Новой Испании. Для этой группы авторов были характерны попытки примирить науку и религию, рациональное и религиозное мировоззрение. Цель данной работы – выяснить, как Клавихеро адаптировал новые философские идеи и как они повлияли на его исследовательский подход.

До середины XX в. мексиканские и зарубежные авторы проявляли интерес к Клавихеро прежде всего как к историку. Это закономерно, поскольку основу его письменного наследия составляют два исторических труда: «Древняя история Мексики» и «История древней или нижней Калифорнии». Однако с середины XX столетия ученые обратили внимание на другие аспекты жизни мексиканского мыслителя. Появились исследования, посвященные его философии, преподавательской деятельности и жизни в целом. Особого внимания заслуживают работы Чарльза Ронана, Бернабе Наварро и Мигеля Леон-Портильи [1, 2, 3]. Всплеску внимания к фигуре Клавихеро способствовала публикация документов, связанных с его семьей, а также переписки с современниками [4, 5]. Также ценным источником информации о жизни мексиканского мыслителя является биография, написанная его другом и коллегой-иезуитом Хуаном Луисом Манейро [6].

Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы, в начале следует выяснить, как у Клавихеро возникло «противоречие между жесткой христианской ортодоксальностью и открытием современности» [3. Р. 642]. Обратимся к некоторым аспектам формирования его мировоззрения и определим, какую роль в его жизни сыграла церковь и орден иезуитов, а какое место заняли науки. Дополнительная информация по этой теме содержится в статье «Истоки формирования научного мировоззрения Франсиско Хавьера Клавихеро» [7].

Исследование проблемы. Отец Клавихеро, дон Блас, уроженец Испании, приехал на службу в Веракрус, а мать, донья Мария Эчигаррай, родилась в знатной креольской семье [6. Р. 120]. Франсиско был третьим по счету ребенком. Он, как и двое его братьев, избрал путь церковного служения. Такая практика была широко распространена среди младших сыновей в креольских семьях.

Отец оказал большое влияние на Франсиско. У Бласа Клавихеро была обширная библиотека. Он интересовался историей, философией и иностранными языками, о чем свидетельствует опись имущества, проведенная после смерти родителей Франсиско. В ней указаны труды Цицерона и Овидия, Кеведо и Фейхоо, а также различные исторические сочинения [8. Р. 70–73]. Дон Блас занимался начальным образованием сына. Благодаря отцу будущий ученый получил базовые знания по истории, географии и устройству мира.

В раннем возрасте Франсиско отправили в школу Святого Иеронима для изучения латинской грамматики, поэзии и риторики. Затем он поступил в

семинарию Святого Игнатия в Пуэбле, где продемонстрировал особые успехи в изучении латинского языка и философии. Там же он начал изучать теологию и в скором времени защитил свою первую работу. Логично предположить, что уже на этом этапе образования Клавихеро осознал свою тягу к научной деятельности. Первичный круг его интересов сформировали философия и иностранные языки.

13 февраля 1748 г. Клавихеро стал послушником ордена иезуитов в маленькой деревушке Тепотсотлан недалеко от Мехико. Манейро полагал, что главным толчком к выбору жизненного пути для Клавихеро стал пример его отца, человека уважаемого и скромного [6. Р. 127]. Кроме того, Блас Клавихеро был весьма религиозным человеком, о чем свидетельствуют некоторые моменты из его завещания. Он просил отправить его тело в госпиталь при обители Святого Бернардина в Пуэбле. Монахи должны были провести обряд погребения так, словно это «бедняк умер в том госпитале, и от этого правила душеприказчики не должны отступать никоим образом» [9. Р. 25]. О набожности семьи Клавихеро также свидетельствует обширный список изображений святых, значащийся в описи имущества дона Бласа [10. Р. 65–68].

Любопытно, что влиятельным другом семьи был прелат дон Андрес де Акре и Миранда, который помогал Хуану Хосе де Эгиара-и-Эгурен составлять знаменитую «Мексиканскую библиотеку» – сборник документов по истории Мексики [4. Р. 12]. Не исключено, что связи отца оказали определенное влияние на дальнейший путь Франсиско.

Учитывая сказанное выше, можно было бы предположить, что после окончания семинарии Клавихеро сделал осознанный, взвешенный выбор, раз и навсегда решив связать свою жизнь с церковным служением. Однако все оказалось сложнее. Первые месяцы послушничества дались Франсиско непросто. По всей видимости, Клавихеро неоднократно жаловался на свое положение и отказывался следовать некоторым правилам ордена. Дело дошло до того, что провинциал падре Андрес Хавьер Гарсия написал Клавихеро письмо, в котором просил новоявленного послушника проявить смирение: «Все вещи в начале кажутся сложными, и если Вам, мой любезный, невыносима жизнь, посвященная вере, это потому, что Вы в начале пути, и принимаете его со скукой, не желая преодолевать» [11. Р. 318]. Падре Гарсия попытался убедить Клавихеро в том, что его меланхолия – это происки дьявола, пытающегося сбить его с истинного пути.

Слова ли наставников возымели действие, или же Клавихеро сам нашел в себе силы принять избранный путь, известно одно – послушание он не оставил. Вероятно, отдушиной в рутинной жизни ордена для него стала наука, поскольку с этого момента он приступил к активному изучению языков: греческого, французского и португальского, а также иврита и наутля. В Пуэбле, в колледже Святого Ильдефонсо Клавихеро снова прошел курс схоластической философии.

В этот период Клавихеро начал изучать философию Нового времени, руководствуясь работами Тоски и Фейхоо [6. Р. 132]. Он ознакомился с работами Декарта, Лейбница, Гассенди, Ньютона и других авторов. Манейро также упоминает о духе консерватизма, царившем в учебном заведении [6. Р. 136]. Обсуждение идей философов Нового времени не приветствовалось.

Орден открыл перед Клавихеро большие возможности, так как в нем состояли выдающиеся мыслители Мексики той эпохи. После окончания курса в Пуэбле он отправился в Мехико, чтобы изучать теологию в колледже Святых Петра и Павла. Там он познакомился с группой молодых иезуитов, ведущих активную интеллектуальную деятельность. Наставником и другом Клавихеро стал Хосе Рафаэль Кампой, один из видных представителей мексиканского Просвещения [1. Р. 52]. Он проявлял большой интерес к новым философским идеям и сыграл важную роль в их распространении в Новой Испании. Именно Кампой познакомил молодого исследователя с коллекцией исторических документов, находящихся в колледже святых Петра и Павла. Клавихеро заинтересовали манускрипты дона Карлоса Сигуэнсы-и-Гонгоры, несколько томов которых были посвящены древним индейским культурам. Эти источники подтолкнули Клавихеро к изучению истории, и в частности, к исследованию индейских кодексов. Впоследствии, находясь в колледже святого Григория, он посвятил этому занятию пять лет.

Клавихеро завершил курс теологии в 1753 г. Ему еще не исполнилось 22 года, поэтому он вынужден был ждать достижения положенного возраста, чтобы принять сан. После окончания обучения его назначили на должность заведующего учебной частью в колледже Святого Ильдефонсо.

Главной целью Клавихеро на этом посту стало изменение методики преподавания в семинарии. Однако коллеги отказались пойти ему навстречу. Он написал письмо провинциалу Хуану Антонио Бальтасару с просьбой помочь в разрешении проблемы, но тот, признавая достижения преподавателя, все же отказал ему во избежание скандала [6. Р. 137].

Вопреки просьбам Клавихеро о переходе к миссионерской деятельности он был назначен в колледж Святого Григория в Мехико для обучения индейцев. Там у Клавихеро произошел конфликт с ректором учебного заведения. В своем письме провинциал Педро Реалес сетовал на то, что Клавихеро отказывался выполнять свои обязанности, «посвятив себя другим заботам и исследованиям...» [12. Р. 319]. Этот эпизод из жизни Клавихеро свидетельствует о его непростом характере. Его внимание было полностью захвачено собственными научными изысканиями, в угоду которым он игнорировал правила, установленные в учебном заведении.

Ронан отвергает мысль о том, что Клавихеро был «пылким вестником новой философии, боровшимся за освобождение от оков, дабы войти в аудиторию и поделиться со своими студентами открывшимся ему знанием» [1. Р. 64]. По его мнению, мексиканскому мыслителю, скорей всего, не приносила удовольствия преподавательская деятельность. Такой вывод Ронан сделал, исходя

из сведений о том, что Клавихеро неоднократно просил отправить его миссионером в Нижнюю Калифорнию. Манейро, в свою очередь, отметил, что в этот период Клавихеро начал издавать небольшие произведения с целью принести пользу обществу [6. Р. 141]. При этом он часто подписывался вымышленными именами или оставлял работы анонимными. Эти небольшие труды были посвящены проблемам риторики, изучению языков, истории, философии и другим вопросам. Сложно сказать, как Клавихеро в действительности относился к преподавательской деятельности, но ему, несомненно, импонировала идея обновления традиционного философского курса, преподаваемого в учебных заведениях Новой Испании.

В 1862 г. Клавихеро был отправлен в колледж Святого Франциска в Пуэбле, но пробыл там совсем недолго. Возможность читать собственный курс была предоставлена ему снова благодаря назначению на должность преподавателя философии в другом колледже Святого Франциска, в Вальядолиде, в провинции Мичоакан. По словам Манейро, Клавихеро хотел преподавать философию, «которую образованная Европа опробовала и ввела в своих школах, и которую он сам считал наиболее полезной и хорошо усваиваемой молодыми людьми» [6. Р. 145]. Старый философский курс был перегружен сложным языком, и в нем отсутствовали работы современных философов. Клавихеро создал новый, включив в него широкий спектр вопросов, начиная с древнегреческой философии и заканчивая современными авторами, такими как Декарт, Лейбниц и Франклин. *Cursus Philosophicus* включил в себя два раздела: *Phisica Generalis* и *Phisica Particularis*. Первая часть документа, увы, была утеряна.

Дошедшая до нас *Phisica Particularis* наглядно раскрывает попытки автора примирить старое и новое знание. Одна из частей работы посвящена системе устройства мира. Клавихеро изучил три варианта: систему Птолемея, Коперника и Тихо Браге, и признал их все несостоятельными. Рассмотрев систему Птолемея, Клавихеро сделал следующее заключение: «после точнейших наблюдений современных астрономов и философских опытов уже нет никого, кто бы осмелился защищать ее, за исключением некоторых перипатетиков, игнорирующих астрономию и физику» [13. Р. 139]. Точно так же Клавихеро отказался от системы Тихо Браге, поскольку она не совпадала с данными астрономии и физики. Однако главным аргументом против гелиоцентрической системы стало то, что она «противоречит священному писанию» [13. Р. 142]. В случае с Коперником Клавихеро апеллировал к авторитету церкви, отодвинув рациональные аргументы на второй план. Таким образом, автор одновременно применил два совершенно разных подхода в доказательстве. При этом следует отметить, что аргументы религиозного характера, которые привел в своей работе Клавихеро, были для него важнее, чем научные. Бернабе Наварро высказал предположение, что для Клавихеро существовало два уровня философской деятельности: публичный, в котором он не осмеливался подрывать авторитет церкви, и личный, в котором главной целью становился

поиск правды [2. Р. 244]. Идея Наварро привлекательна, однако однозначно высказаться по этому поводу сложно, поскольку для оценки нам доступен лишь первый из указанных уровней.

Маурисио Бешо назвал Клавихеро «модернизированным схоластом» [14. Р. XXVII]. В своих работах мексиканский мыслитель не порывал окончательно с традиционными взглядами, но уже использовал рациональные аргументы и апеллировал к опыту. По сути, *Phisica Particularis* Клавихеро – это смесь традиционного аристотелизма и философии Нового времени. Используя новые философские идеи, он попытался обновить традиционную схоластическую философию, придать ей второе дыхание.

В исторических работах Клавихеро также проявились новые тона, не характерные для трудов его предшественников. В XVII – первой половине XVIII в. в историографии Новой Испании преобладали провинциальные хроники религиозных орденов. Их авторы, оставив в прошлом интерес к природе индейца, обратились к традициям и верованиям коренного населения для того, чтобы продемонстрировать их несостоятельность и заблуждения. Однако Клавихеро ставил перед собой иные задачи. «Древняя история Мексики» уже не была апологетикой деятельности Церкви в Новом Свете. Она стала ответом на труды европейцев, очернявших Америку и ее жителей. Клавихеро обратил внимание на индейское наследие с позиции рациональной критики. Он постарался показать читателям, что «вся древняя история мексиканцев показывает, что они умеют думать и организовывать свои идеи... и что европейцы не имели перед ними никакого преимущества, кроме более развитого производства» [15. Р. 519]. Однако в его работе все еще четко просматривался схоластический взгляд на исторический процесс. К примеру, Клавихеро считал, что поражение мексиканцев в Конкисте стало проявлением божественной справедливости и «нестабильности земных королевств» [15. Р. 418]. Как и в *Phisica Particularis*, в «Древней истории Мексики» отчетливо проявилось сочетание двух различных философских подходов.

Заключение. Воспитанный в религиозной семье, Клавихеро избрал путь служения Богу. Однако его церковная карьера складывалась непросто. Он был вынужден подстраиваться под те правила, которые диктовало ему руководство ордена. Свой отпечаток наложили проявившаяся с детства тяга к знаниям и своенравный характер. Идеи философии Нового времени увлекли Клавихеро, но не заставили полностью отказаться от традиционных представлений об устройстве мира. В своих работах он постарался согласовать эти два столь разных подхода, отбросив то, что мешало их объединению.

Клавихеро и его коллеги-иезуиты соорудили мост, по которому в Мексику пришли философские идеи Нового времени. При этом с позиции церкви они выполняли двойную функцию: с одной стороны отсеивали лишнее, «вредное» знание, а с другой поддерживали интеллектуальную гегемонию ордена в испанских колониях. Таким образом, философия, преподаваемая в мексиканских колледжах, приобрела эклектические черты. Изгнание иезуи-

тов положило конец этому процессу причудливого смешения идей. Однако они дали толчок движению, широко развернувшемуся впоследствии: настоящему расцвету научного знания в Новой Испании.

© Веселова И.Ю., 2017

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- [1] Ronan Ch. E. Francisco Javier Clavigero, S.J. (1731–1787): figura de la ilustración mexicana, su vida y obras. Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 1993. 535 p.
- [2] Navarro B. Filosofía y cultura novohispanas. México: UNAM, 1998. 250 p.
- [3] León-Portilla M. Francisco Xavier Clavijero // *Historiografía mexicana*. Vol. II. T. 1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México: UNAM, 2012. P. 605–642.
- [4] Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. 73 p.
- [5] Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero // *Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia*, I. México, 1939–1940. P. 307–335.
- [6] Maneiro J.L., Fabri M. Vidas de mexicanos ilustres del siglo XVIII. México: UNAM, 1956. 292 p.
- [7] Веселова И.Ю. Истоки формирования научного мировоззрения Франсиско Хавьера Клавихеро // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. № 2. 2015. М.: РУДН, 2015. С. 61–66 / Veselova I.Y. Istoki formirovaniya nauchnogo mirovozzreniya Fransisko Hav'era Klavihero [The origins of the Francisco Javier Clavijero's scientific outlook]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Vseobshchaya istoriya. [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series World History], 2015, No. 2. P. 61–66.
- [8] Arch. Gral. De Notarías, Puebla: Notaría 6: 1752: “Autos de inventarios y apreciaciones de los bienes que quedaron por muerte del general don Blas Clavijero...”: 38 vta. 40 vta. // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. P. 69–73.
- [9] Arch. Gral. De Notarias, Puebla: Notaria 6: 1752: “Autos de inventarios y apreciaciones de los bienes que quedaron por muerte del general don Blas Clavijero...”: 74–89 // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. P. 23–34.
- [10] Arch. Gral. De Notarias, Puebla: Notaria 6: 1752: “Autos de inventarios y apreciaciones de los bienes que quedaron por muerte del general don Blas Clavijero...”: 26, 35, vta. 37 // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. P. 64–68.
- [11] Carta de provincial Andrés García. México, Abril 23 de 1748 // Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero / *Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia*, I. México, 1939–1940. P. 318.
- [12] Carta de provincial Pedro Reales. Abril 23 de 1761 // Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero / *Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia*, I. México, 1939–1940. P. 319.

- [13] Clavijero F.J. De la Física Particular // Filósofos mexicanos de siglo XVIII / introd. Beuchot M. México: UNAM, 1995. P. 137–178.
[14] Filósofos mexicanos de siglo XVIII / introd. Beuchot M. México: UNAM, 1995. 205 p.
[15] Clavijero F.J. Historia antigua de México. México: Porrúa, 1974. 621 p.

COLLISION BETWEEN THE RATIONAL AND THE RELIGIOUS IN THE OUTLOOK OF FRANCISCO JAVIER CLAVIJERO

Irina Veselova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the mental conflict which became one of the characteristic features of The Mexican Enlightenment. The distribution in the Creole environment of new philosophical ideas, that came from Europe, in the initial phase led to a collision between two different types of thinking. This process was most pronounced in the works of the Mexican Jesuit thinkers whose member was Francisco Javier Clavijero. He grew up in a religious Creole family and chose the path of service to God. From early years Clavijero developed a thirst for knowledge. His first circle of interest was formed by philosophy, history and foreign languages. His meeting with new philosophical ideas led to collision between the rational and the religious in the Mexican thinker's outlook. He tried to reconcile these two approaches. In his philosophical and historical works Clavijero carried on partially to stand by traditional religious views but also he used rational arguments. The outcome was a bizarre combination of old and new philosophical ideas which symbolized a decline of traditional scholastic in Spanish colonies. Clavijero and his Jesuit colleagues set up a new era of the Enlightenment in the New Spain.

Key words: Mexico, Clavijero, New Spain, church, Jesuits, Enlightenment, colonial epoch

Об авторе:

Веселова Ирина Юрьевна – аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов

E-mail: IrinaXochitl@gmail.com